

Алексей Владимирович Аргунов

доцент кафедры гражданского, арбитражного
и административного процессуального права
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук

Правовое основание спора во французском гражданском процессе¹

В статье рассматривается вопрос об элементах иска, тождестве исков и правовом основании как элементе тождества на примере новой судебной практики Кассационного суда Франции, согласно которой во французском гражданском процессе на сторонах лежит бремя заявления всех возможных требований, выводимых из одних и тех же фактов, а также указания всех возможных правовых оснований требований в одном процессе. В случае если стороны не справятся с этим бременем, исправить эти ошибки в новом судебном процессе окажется невозможно — в отношении новых требований, выводимых из одних и тех же фактов, равно как и нового правового обоснования, будет действовать правило о тождестве споров и производство по делу будет прекращено.

Ключевые слова: иск, основание иска, предмет иска, тождество исков, правовое основание иска, правовые средства, принцип состязательности, принцип диспозитивности

¹ Настоящая статья представляет собой переработанную и дополненную компаративную справку по французскому гражданскому процессу, подготовленную для научного круглого стола «Правовая квалификация спора в теории и практике гражданского и арбитражного процесса», проведенного юридическим институтом «М-Логос» 08.12.2014. Подробнее см.: http://m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_pravovaya_kvalifikaciya_spora_v_teorii_i_praktike_gragdanskogo_i_arbitragnogo_processa_.

Alexey Argounov

PhD in Law, Associate Professor at the Department of Civil, Commercial and Administrative Procedural Law of the Russian State University of Justice

The Legal Basis of the Dispute in the French Civil Procedure

This article examines the problem of identity of claims and discusses legal basis as an element of identity by the example of new practice of the French Court of Cassation. According to its caselaw the parties involved in the dispute should raise all possible claims derived from the same facts, and must specify the possible legal grounds for claims in one process. In case the parties fail to do so, such a mistake cannot be rectified by filing a new suit with a different claim. The court would consider the new suit as identical to the previous one because it is based on the same facts. It does not matter that this time the claimant asks for other remedies or provides different legal ground for his claim.

Keywords: claim, cause of claim, subject matter of claim, identity of claims, legal ground of claim, remedies, principle of free exercise of rights, adversarial principle

Введение

Судебная практика арбитражных судов довольно долгое время исходила из того, что правовое основание спора (иска и возражений на иск) является исключительно делом сторон, в которое суд не вмешивается. В случае неправильно избранного способа защиты права суды отказывали в удовлетворении иска, ссылаясь на неверно избранное правовое основание иска. Такое положение дел существовало примерно до 2008 г., после чего правовые позиции ВАС РФ стали меняться¹. Отныне судебная практика, следуя древнеримской максиме *jura novit curia*, исходит из того, что правовая квалификация спора есть дело суда. Одно из недавних определений Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ снова привлекло внимание к проблемам элементов иска и правового основания как одного из них². В настоящей статье предложена попытка осмыслить вышеупомянутые колебания практики арбитражных судов через призму французской доктрины гражданского процесса и практики Кассационного суда Франции.

Понятие иска и его элементы во французском гражданском процессе

Прежде чем рассмотреть проблему правового обоснования иска, следует определиться с более общими понятиями.

¹ Обзор судебной практики см.: Справка к научному круглому столу, проведенному юридическим институтом «М-Логос» 08.12.2014. URL: http://m-logos.ru/img/spravka_po_sudebnoy_praktike_081214.pdf.

² См.: определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79.

Иск — это право истца быть выслушанным судом по существу вопроса о правомерности заявленного требования и аналогичное право ответчика быть выслушанным по существу вопроса о правомерности возражений в отношении требований истца. Это понятие имеет легальное закрепление в ст. 30 Нового гражданского процессуального кодекса Франции (далее — НГПК Франции).

Из этого определения согласно доктрине³ следует следующее:

- иск — это субъективное процессуальное право быть выслушанным судом. Оно не является ни субъективным материальным правом (правом требования к ответчику), ни заявлением, в котором выражаются требования лица (исковым заявлением);
- иск может принадлежать истцу, ответчику и третьему лицу, заявляющему самостоятельные требования на предмет спора, и его предметом может быть как материально-правовое требование (претензия) к ответчику, так и возражения ответчика по существу этих требований, а также, например, требования о принятии обеспечительных мер и др.

Таким образом, в отличие от российского права во французском иск — это не требование истца к суду (или к суду и ответчику) о разрешении материально-правового спора, но субъективное процессуальное право на рассмотрение вопроса по существу, которым обладает не только истец, но и другие лица, участвующие в деле. В целом это очень абстрактная категория, объединяющая различные с точки зрения российской доктрины процессуальные явления, которая к тому же неоднозначно понимается во французской доктрине.

Тем не менее если говорить об иске применительно к требованию истца о разрешении материально-правового спора (т.е. о той смысловой части, которая в российском праве ассоциируется с иском) и о праве на иск, то можно отметить, что на французскую доктрину и законодательство повлияло учение об абстрактном праве на иск, но при этом в НГПК Франции и судебной практике остались следы теории конкретного права на иск. С одной стороны, отмечается, что иск — явление процессуальное и не зависит от реального существования защищаемого материального права, с другой стороны, в НГПК Франции закреплен институт прекращения производства (*fin de non-recevoir*) в связи с отсутствием у истца или ответчика права действовать в суде. Под правом действовать в суде понимаются предпосылки права на иск, но своеобразные. Главным отличием от российского права является необходимость наличия у истца интереса в результате процесса, который должен быть доказан. Интерес при этом должен заключаться в получении какой-либо выгоды или пользы от разрешения дела, быть насущным и действительным, а также личным, если законом не дозволено иного (речь идет об участии в деле прокурора, защите прав других лиц, коллективных исках и др. — право на иск в этом случае должно быть специально указано в законе). То есть существовать интерес должен в момент судебного процесса и принадлежать именно истцу. Отсутствие интереса, а также процессуальной правоспособности влечет прекращение производства по делу, причем на любой стадии процесса⁴.

³ См., напр.: *Cadiet L., Jeuland E. Droit Judiciaire Prive. 5^e ed. Paris, 2006. P. 195–202.*

⁴ *Ibid.* P. 217–241.

Таким образом, закрепляя наличие интереса в качестве предпосылки права действовать в суде (права на иск), французское право приближается к теории конкретного права на иск.

С учетом вышесказанного аналогичные российскому праву явления — элементы иска приписываются во французском гражданском процессуальном праве не иску, а спору, который является предметом процессуального отношения, или производства (*l'instance*). Следовательно, французы предпочитают говорить о содержании, элементах спора, а не об элементах иска. Содержание спора — его предмет (*l'objet*) и основание (*cause*, или *fondement*) — определяются сторонами в подаваемых ими состязательных бумагах (исковом заявлении и отзыве)⁵.

В целом можно с определенной долей условности отождествить понимание предмета и основания как содержание спора (который, в свою очередь, является предметом процесса) с предметом и основанием иска, поскольку во многом именно истец в исковом заявлении определяет эти элементы спора.

Указанные элементы также используются для определения тождества процессов, т.е., если говорить в терминах российского права, тождества исков. При определении тождества исков сравниваются не старый и новый иски, а решение суда, принятое по предыдущему спору, и элементы нового спора. Тождество определяется по правилам ст. 1351 ГК Франции, согласно которой авторитет судебного решения распространяется лишь на то, что было его предметом: «Необходимо, чтобы истребуемая вещь была та же самая, чтобы основание было то же самое и чтобы те же стороны действовали в том же качестве (процессуальном статусе)».

В доктрине принято говорить о тройной идентичности как принципе определения тождества. Обозначенные критерии определения тождества являются одними из самых дискуссионных во французской доктрине. В литературе отмечается, что понятия истребуемой вещи (предмета) и основания являются неопределенными и могут быть наполнены различным и даже противоположным по смыслу содержанием⁶.

Под истребуемой вещью понимается предмет спора (иска) — *l'objet*. Согласно одной точке зрения это «вещь в ее правовой квалификации», т.е. субъективное право (например, можно сначала предъявить виндикационный иск об истребовании земельного участка, а после отказа в его удовлетворении добиваться установления сервитута в отношении того же участка, или сначала предъявить иск о расторжении брака, а потом иск о его недействительности)⁷. В то же время можно встретить суждения о том, что предметом является экономический или социальный результат, которого добиваются стороны спора, или конкретное требование истца и встречное требование ответчика⁸.

⁵ См.: *Cadiet L., Jeuland E.* Op. cit. P. 314–318; *Cadiet L., Normand J., Amrani Mekki S.* Theorie Generale du Process. Paris, 2010. P. 751–779.

⁶ См.: *Jeuland E.* Rapport Introductif // L'autorite de la Chose Jugee / ed. by L. Cadiet, D. Loriferne. Paris, 2012. P. 17.

⁷ См.: *Cadiet L., Jeuland E.* Op. cit. P. 466.

⁸ См.: *Moussa T.* La Delimitation de la Chose Jugee au Regard de la Matiere Litigieuse (Demande et Moyens, Objet et Cause) // L'autorite de la Chose Jugee. P. 30–31.

Анализ точек зрения по данному вопросу, проведенный проф., почетным судьей Кассационного суда Франции Т. Мусса (*T. Moussa*), выявил неопределенность этого понятия как в доктрине, так и в судебной практике. Сам автор обзора предлагает считать предметом именно требование истца и встречное требование ответчика (если оно заявлено)⁹, а в конечном счете и «те преимущества, на которые претендует одна сторона и против которых возражает другая; то, что испрашивается и оспаривается, т.е. то, что является спорным»¹⁰. Именно это определение, как показано далее, закрепляется судебной практикой Кассационного суда Франции.

В отношении основания как элемента спора в доктрине также нет единой позиции — понимать ли под основанием только факты, либо факты с учетом их юридической квалификации, либо также правовую квалификацию дела (правовое основание иска).

Судебная практика долгое время исходила из того, что основанием процесса (иска) в смысле ст. 1351 ГК Франции является юридическое основание, т.е. факты и их правовое объяснение. Многие ученые разделяют это положение, полагая, что судья решает не просто в отношении фактов, а в отношении конкретной юридической модели, состоящей из права и фактов¹¹. Именно эта юридическая модель служит основой разрешаемого спора, именно она отражается в судебном решении, неважно, по чьей инициативе это происходит — суда или сторон.

В частности, в 1994 г. Пленарной ассамблеей (Пленумом) Кассационного суда Франции было принято постановление, согласно которому при наличии вступившего в законную силу решения об отказе в иске о признании договора купли-продажи недействительным по основанию порока воли покупателя не исключается возможность предъявления и рассмотрения по существу иска о признании договора недействительным по другому основанию (отсутствие действительной и реальной цены продажи, что в российском праве созвучно притворности сделки)¹². Пленум указал, что поскольку суд в первом деле разрешил только вопрос о недействительности на основании порока воли и не разрешал вопроса о притворности сделки, то тождества исков нет, несмотря на одну и ту же цель истца (предмет спора) — признать сделку недействительной.

Это постановление расценивалось судебной практикой как допускающее возможность предъявления новых исков с совпадающими предметами и фактическим основанием, но отличающимися правовой квалификацией фактов. Иными словами, под основанием спора (иска) согласно этой судебной практике понималось именно правовое основание. Если меняется правовое основание, то споры (иски) не тождественны¹³.

⁹ См.: *Moussa T.* Op. cit. P. 31.

¹⁰ *Cornu G.* (dir) *Vocabulaire Juridique*. Цит. по: *Moussa T.* Op. cit. P. 31.

¹¹ См.: *Cadiet L., Jeuland E.* Op.cit. P. 317–318.

¹² См.: 3 juin 1994, Bull., Ass. Plén., № 4.

¹³ Для нас остался неясным вопрос, почему не принималось во внимание, что при предъявлении иска о признании сделки недействительной по новому основанию истец просто обязан привести и новые факты этой недействительности: например, одно дело недействительно в связи с отсутствием одобрения сделки

Однако в 2004 г. практика стала меняться. Начало было положено судебным актом, принятым Второй палатой по гражданским делам Кассационного суда Франции, в котором было указано, что если имеется вступившее в силу решение суда об отказе в иске о возврате денежных средств по договору займа, то второй иск, обосновываемый другими правовыми доводами (например, неосновательным обогащением ответчика), является тождественным первому¹⁴.

Правовое основание как элемент тождества споров

В связи с наличием противоположной практики в 2006 г. Кассационный суд Франции рассмотрел этот вопрос в Пленарном заседании и пришел к выводу о том, что одного изменения правового обоснования иска недостаточно, чтобы сделать вывод об отсутствии тождества исков и возможности рассмотрения дела по существу¹⁵. Это знаменитое постановление по делу, называемому *Cesareo*, вызвало критику со стороны научной общественности, но в то же время заставило пересмотреть подходы к определению элементов спора (иска), понятию авторитета (законной силы) судебного решения.

Суть дела, рассмотренного Пленумом, сводилась к следующему. После смерти отца имущество унаследовали два брата. Один из братьев предъявил иск к другому на том основании, что он работал вместе с отцом в его бизнесе и последние 2 года не получал за эту работу вознаграждения, и, с учетом специального законодательства о сельскохозяйственной деятельности, требовал взыскать из наследственной доли брата определенную сумму. Суд принял решение об отказе в иске, которое вступило в силу. После этого истец снова обратился в суд с иском к брату о взыскании той же суммы, но на основании неосновательного обогащения. Суды нижестоящих инстанций, следуя новой практике, прекратили производство в связи с тождеством исков, указав, что нового основания истец не приводит, а лишь использует новые правовые средства.

На заседании Пленума был заслушан доклад судьи К. Шаррюо (*Ch. Charruault*)¹⁶, в котором были высказаны интересные замечания. Сделав краткий обзор судебной практики (постановления Пленума 1994 г., постановления Второй палаты 2004 г.), судья сделал вывод, что разница в подходах состоит в том, что в первом случае постулируется узкий подход к тождеству исков — речь идет о сравнении норм права, на основании которых принято первое решение, и норм права, приве-

с аффилированностью, другое — крупной сделки. Факты, свидетельствующие о недействительности и входящие в предмет доказывания, различны. Поэтому и тождества иска, с нашей точки зрения, тут нет. То есть дело в разнице не только правового основания, но и фактического. Но во Франции это расценивалось как указание на то, что основанием спора является именно правовое обоснование иска, возможно, так и оно и было, если учитывать различия между российским и французским материальным правом.

¹⁴ См. подробнее: доклад судьи Шаррюо по делу *Cesareo*. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/assemblee_pleniere_22/charruault_conseiller_8706.html.

¹⁵ См.: Cass. ass. plen., 7 juill. 2006, *Cesareo*, Bull. civ., ass. plen., № 8. URL: http://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/assemblee_pleniere_22/arr_ecirc_8709.html.

¹⁶ https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/assemblee_pleniere_22/charruault_conseiller_8706.html.

денных в обоснование нового иска, а во втором случае речь идет о сравнении целей исков или их предметов: направлены ли они на достижение одной и той же цели (получение одной и той же суммы). При этом первый подход игнорирует предмет спора (что просят, цель), а второй вынуждает соотносить основание с предметом.

В отношении основания иска высказывается мысль, что согласно НГПК Франции и теоретическим воззрениям одного из его главных идейных вдохновителей — А. Мотульски (*H. Motulsky*) под основанием иска следует понимать только факты, приводимые сторонами. Правовое же обоснование этих фактов вообще не входит в состав элементов, поскольку за применение права отвечает суд.

Согласно ст. 6 НГПК Франции в обоснование своих исковых требований стороны должны приводить подтверждающие их факты, т.е. о правовом основании речи не идет. Статья 12 НГПК Франции также предусматривает, что суд должен дать толкование норм права применительно к спорным фактам и документам, не ограничиваясь обоснованием сторон. Таким образом, если стороны не привели правового обоснования иска, суд должен сам найти применимые нормы права (суд знает право). Иными словами, в конечном счете весь вопрос сводится к тому, должен или вправе суд сам возбуждать вопрос о новом, релевантном правовом обосновании или это обязанность сторон привести все возможные правовые средства.

В данном деле, по мнению судьи, предмет был тот же, что и в первом процессе, но истцом применены другие правовые средства¹⁷. Должны ли они были быть найдены судом или приведены сторонами в первом процессе? Если так, то новый иск тождествен первому.

Далее судья Шаррюо высказал мысль, что предмет спора, который понимается как конкретная цель, выгода, которую получит истец или ответчик (в данном случае сумма денег), имеет приоритет над основанием: если цель одна и та же, выходит, что стороны, которые в одном процессе не смогли привести всех возможных правовых средств в обоснование своего требования, исправляют свою ошибку новым иском. Это недопустимо, поскольку нужна профилактика новых процессов (т.е. судья оценил проблему с точки зрения уменьшения судебной нагрузки).

По мнению судьи, узкое понимание основания ведет к возможности нескольких процессов из одного конфликта, а широкая концепция (новая) слишком революционна. Однако он придерживается второй и далее приводит доводы в ее поддержку. Судья соотносит новую концепцию с правовой определенностью, считает, что новое правило лучше ей соответствует, и, если стороны не будут приводить всех релевантных правовых оснований, суд должен сам разрешить дело на основании применимых норм права, т.е. последнее слово всегда за судьей.

В чем революционность новой концепции? В том, что стороны должны будут проявить большую ответственность. Но даже это не главное. Всегда остается вопрос к суду: почему он не разрешил дело на основании применимой нормы права, *ex officio* не выбрал правильной правовой модели разрешения спора? Лежит ли

¹⁷ Про различие в фактах, приведенных в обоснование иска, судья не упоминает, поэтому сложно понять, были все-таки истцом в новом иске приведены новые факты или нет.

в конечном счете на суде обязанность *ex officio* выбрать применимую норму (ст. 12 НГПК Франции) и нельзя ли будет взыскать с государства убытки за то, что он не исполнил свою обязанность? Ответ на этот вопрос — дело будущего, но судья Шаррю полагает, что указанные положения закона следует интерпретировать все же как право судьи, а не как обязанность. По его мнению, суд всегда должен предлагать сторонам определиться, нет ли в деле альтернативного правового обоснования, например альтернативных исков, по разным основаниям недействительности и т.д., но сам применить новое правовое основание, на которое стороны не ссылались, не обязан.

Таким образом, революционность нового подхода состоит в том, что он поднимает проблему соотношения ролей суда и сторон в вопросах правового обоснования иска и возражений и соотношения обязанностей судьи с правом на справедливое судебное разбирательство.

Действительно, дальнейшее развитие проблематики поставило этот вопрос как в доктрине, так и в судебной практике. И он был разрешен в 2007 г. очередным постановлением Пленума (что будет рассмотрено далее).

Итак, Пленум принял новую концепцию тождества споров (исков) и указал в постановлении, что «заявитель обязан представить совокупность средств в обоснование своего требования» и что «средства не являются элементом объективных пределов законной силы судебного акта, а являются лишь инструментом обоснования основания спора (иска), поскольку они логически выводятся из фактов или текста нормативного-правовых актов или юридических понятий, ввиду чего представление новых средств не может подорвать законную силу судебного решения, ведь основание спора (иска) остается неизменным»¹⁸.

Это постановление изменило дальнейшую судебную практику. В ее развитие несколькими годами позднее различными палатами Кассационного суда были приняты постановления с уточняющими формулировками. Так, в постановлении Первой палаты по гражданским делам указано, что истец «несет бремя заявления в одном процессе всех требований, выводимых из одного и того же основания»¹⁹. Таким образом, речь идет о том, что заявитель должен не только предложить все релевантные правовые модели разрешения спора, но и заявить все выводимые из определенного набора фактов требования. Постановлениями Палаты по коммерческим делам и Третьей палаты по гражданским делам эта судебная практика распространена на ответчика: указано, что бремя концентрации средств распространяется и на средства защиты²⁰. Таким образом, и на истце и на ответчике лежит бремя концентрирования всех возможных средств нападения и защиты в одном процессе под угрозой невозможности их применения в новых процессах.

¹⁸ Cass. ass. plen., 7 juill. 2006, Cesareo, Bull. civ., ass. plen., № 8. URL: http://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/assemblee_pleniere_22/arr_ecirc_8709.html.

¹⁹ C. cassation, première chambre civile 28 mai 2008. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/premiere_chambre_civile_568/arret_no_11632.html.

²⁰ См.: C. cassation, chambre commerciale 20 février 2007, Bulletin civil № 49; troisième chambre civile 13 février 2008, Semaine Juridique 2008.

Однако вернемся к вопросу о наличии у суда обязанности или права поднимать по своей инициативе вопрос о применении в деле правового обоснования, на которое не ссылаются стороны.

Как было указано, этот вопрос был предметом рассмотрения Пленума Кассационного суда Франции в 2007 г. В том деле покупатель подержанного автомобиля требовал в первой инстанции снижения цены и возмещения убытков в связи с поломкой автомобиля в первые 3 месяца после покупки (притом что дефекты были устранены по гарантии) и обосновывал их нормами ГК Франции о гарантии и о существовании скрытых дефектов. После отказа в удовлетворении иска и проигрыша в суде апелляционной инстанции он подал кассационную жалобу, ссылаясь на то, что согласно ст. 12 НГПК Франции «суд разрешает спор в соответствии с применяющимися к нему нормами права» и «он должен дать им или восстановить их надлежащее толкование применительно к спорным фактам и документам, не ограничиваясь наименованиями, предложенными сторонами»²¹. По мнению заявителя, применительно к данному делу суд апелляционной инстанции должен был по своей инициативе переквалифицировать факты и разрешить дело, применив иное правовое основание, чем предлагал истец (применить нормы права о невыполнении продавцом обязанности передать вещь в хорошем состоянии).

Приведем некоторые соображения судьи-докладчика по делу Д. Лориферна (*D. Loriferne*).

Статья 12 НГПК Франции расположена в разделе «Основные принципы гражданского процесса» и регулирует основы отношений суда и сторон. Принцип правового обоснования следующий: *Da mihi factum, dabo tibi jus* («Дай мне факты, и я дам тебе право»). На сторонах лежит бремя утверждения и доказывания, на суде — обязанность применить соответствующие нормы права. Однако что означает эта обязанность? Только то, что суд должен правильно истолковать норму права или также и то, что суд обязан сам квалифицировать спорные факты, выбрать подлежащую применению норму права и, если согласно гипотезе нормы в предмет доказывания должны входить иные факты, на которые стороны не ссылались, поставить их на обсуждение сторон? В результате анализа доктрины, судебной практики и законодательства выявлены следующие подходы:

- судья по своей инициативе обязан выяснять вопрос об основаниях, влекущих прекращение производства по делу, а также о применении некоторых иных норм процессуального права;
- судья должен по своей инициативе выяснять вопрос и применять нормы публичного порядка (*l'ordre publique*);
- судья не имеет права по своей инициативе ставить вопрос о применении некоторых материально-правовых норм, что прямо зафиксировано в законе (например, норм о сроках исковой давности).

²¹ Текст НГПК Франции приведен по: Новый гражданский процессуальный кодекс Франции: пер. с фр. В. Захватаева. Киев, 2004. С. 37. Следует отметить, что перевод в данном случае дословный, однако правильное понимание этого текста затруднено тем, что он имеет различные толкования во французской доктрине.

За пределами указанных ограничений остается вопрос о том, обязан суд или вправе по своей инициативе ставить вопрос о применении другой правовой модели и других норм права, на которые стороны не ссылаются.

Однозначно следует ответить на вопрос тогда, когда стороны не приводят никакого правового обоснования, — в таких случаях суд обязан сам его предложить. Это прямо следует из максимы: суд не вправе отказать в правосудии по мотиву отсутствия или пробельности закона (ст. 4 ГК Франции).

Однако такую ситуацию, когда стороны не ссылаются на какие-либо нормы права, представить сложно, учитывая, что согласно Декрету от 28.12.1998, которым внесены изменения в НГПК Франции, в исковом заявлении должны быть приведены фактическое и юридическое обоснование требований (ст. 56 НГПК Франции с изменениями, внесенными указанным декретом).

Таким образом, речь практически всегда идет о том, что стороны предлагают те или иные правовые основания своих требований и возражений. Должен ли судья в таком случае лишь ответить, правильно ли стороны обосновали свои требования и возражения, или обязан предложить релевантную правовую модель разрешения спора?

Судебная практика по этому вопросу была прямо противоположной: от отрицания наличия у суда обязанности изменять правовую модель спора и признания необходимости судить то, что предлагают стороны, до признания наличия такой обязанности.

В доктрине было высказано две точки зрения. Согласно первой суд всегда обязан разрешать дело в соответствии с применимой нормой. Это означает, что суд всегда обязан самостоятельно обнаружить норму права, регулиющую спорные отношения, независимо от того, на какие нормы ссылаются стороны. И если стороны приводят неверное правовое обоснование, неправильно квалифицируют факты, суд должен это исправить.

Согласно второй точке зрения следует различать средства чистого права и средства смешанные, юридико-фактические. Средства чистого права — это доводы правового плана, которые не связаны с фактами, на которые стороны специально не ссылались. Суд обязан применить средства чистого права, когда стороны не привели вообще правового обоснования и когда они дают неправильную квалификацию фактам. Если же речь идет о том, что для применения **нового** правового основания судье требуется рассмотрение **фактов, на которые стороны специально не ссылались**, то судья лишь *вправе* изменить правовое обоснование сторон, но не обязан (это называется применением смешанных, юридико-фактических средств).

Таким образом, в терминах российской доктрины процесса можно сказать, что если речь идет о замене правовой квалификации в пределах тех фактов, на которые стороны специально ссылаются, то суд обязан сделать это; если же для этого требуется выяснение других фактов, косвенно усматриваемых из материалов дела, суд не обязан, но вправе поставить на обсуждение новое правовое обоснование, что корреспондирует праву суда поставить на обсуждение сторон и эти факты (на

которые стороны не ссылаются, но которые усматриваются из дела, так называемые факты-сорняки (ст. 7 НГПК Франции)).

Следовательно, обязанность судьи найти единственно верное правовое решение дела, т.е. применить те нормы права, которые регулируют спорное отношение, ограничивается в соответствии с принципом состязательности тем фактическим материалом, который представили суду стороны.

При этом нужно обратить внимание на то, что суд ни при каких обстоятельствах не вправе изменять предмет спора (иска), который понимается как некое правовое благо, о котором идет спор. Таким образом, изменить без согласия истца способ защиты суд не может. Речь идет только о том, что суд должен рассмотреть дело на основании тех норм права, которые применимы к требованию истца в том виде, в котором он его сформулировал. Кроме того, следует отметить, что во Франции до настоящего времени принята материально-правовая классификация исков и существует длительная традиция процессуального оформления именно конкретных видов материально-правовых исков. Таким образом, если истец предъявил конкретный вид иска, суд не вправе изменить его на иной. Более того, эта традиция даже находит свое выражение в процессуальном законе. Книга III НГПК Франции, посвященная регулированию особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, построена по принципу «лица — вещи — обязательства» и содержит процессуальный регламент рассмотрения как спорных, так и бесспорных дел. В этой книге, в частности, урегулированы процессуальные особенности рассмотрения некоторых исков, например о расторжении брака, и иных семейных исков, посessorных исков.

Вернемся к нашему делу. По итогам его рассмотрения Пленум принял постановление, которым отказал в удовлетворении кассационной жалобы и указал, что «кроме тех случаев, когда закон предписывает суду применить правовые средства, не упомянутые сторонами, судья не обязан этого делать» и «это решение принято в результате заметного сдвига, произошедшего в результате принятия Декрета от 28.12.1998, и ранее вынесенного Пленумом постановления от 07.07.2006, которые изменяют соотношение ролей сторон и суда в гражданском процессе и основаны на идее, что, если суд и должен играть активную роль в процессе, он не может сыграть всех ролей и обязанностью самих сторон в лице их профессиональных представителей является указание на все средства, которыми они могут обосновывать свои требования»²².

Таким образом, если стороны приводят различные правовые обоснования, суд должен выбрать единственно верное. Если же стороны не привели какого-либо правового обоснования (правовых средств), которое, по мнению суда, является единственно верным, судья вправе это сделать самостоятельно, но не обязан (если речь не идет о применении норм процессуального права или императивных норм права). Таким образом, если судья не ставит на обсуждение сторон нового правового средства и не находит релевантными правовые средства, предложенные истцом, он просто отказывает в иске. И если такое правовое средство все-

²² Communiqué relatif à l'arrêt n° 564 du 21 décembre 2007. URL: https://www.courdecassation.fr/jurisprudence_2/assemblee_pleniere_22/arret_n_11068.html.

таки можно было придумать или отыскать, то в новом процессе сделать это будет уже невозможно, и это сфера ответственности представителя стороны перед своим доверителем.

Остается вопрос о том, как должен поступить судья, который предложил новое правовое обоснование по своей инициативе на обсуждение сторон и не получил их согласия. Несмотря на то, что прямого ответа на этот вопрос постановление Пленума 2007 г. не дает, представляется, что судья должен разрешить дело на основании этого нового правового обоснования, если считает его верным, а не следовать позиции сторон. Однако судья всегда ограничен двумя вещами: фактами, на которые ссылаются стороны, и формулировкой требований и возражений, которые они приводят. Эти составляющие спора судья изменять не вправе ни при каких обстоятельствах ввиду действия принципов диспозитивности и состязательности.

Из вышеизложенного следует, что сегодня во французском гражданском процессе на сторонах лежит бремя заявления всех возможных требований из одних и тех же фактов, а также указания всех возможных правовых оснований требований в одном процессе.

Итак, согласно новой практике Кассационного суда Франции от 2006 г. можно сказать, что правовое основание не входит в элементы спора (иска), или, по крайней мере, не учитывается при определении тождества исков. Аргументы в пользу такого подхода во Франции скорее политико-правовые — сокращение числа процессов, возникших из одного и того же спора (конфликта) путем установления запрета на предъявление исков с одними фактическими основаниями и требованиями, отличающихся лишь их правовой квалификацией. Главным является вопрос о том, как это соотносится с принципами состязательности и диспозитивности. В частности, в первоначальной редакции ст. 12 НГПК Франции был п. 3, который гласил: «Суд может по своей инициативе приводить доводы «чистого права» (только правового характера), вне зависимости от правового основания, на которое ссылаются стороны». Однако в 1979 г. он был признан Государственным советом Франции не соответствующим закону по мотиву нарушения принципа состязательности²³ и отменен, после чего в НГПК Франции появился п. 3 ст. 16, согласно которому «суд не имеет права мотивировать свое решение правовыми доводами, которые он выдвинул по своей инициативе, не предложив предварительно сторонам представить свои соображения».

Также следует отметить, что в 2007 г. Пленум Кассационного суда принял постановление, согласно которому «кроме тех случаев, когда закон предписывает суду применить правовые средства, не упомянутые сторонами, судья не обязан этого делать». В частности, закон предписывает судье применить правовые средства, если речь идет о применении норм процессуального права или применении императивных норм права (публичного порядка — *l'ordre publique*). В доктрине также выработана позиция, согласно которой в пределах фактов, на которые стороны прямо ссылаются, суд обязан самостоятельно определить релевантную правовую

²³ См.: Conseil d'Etat, 12 octobre 1979, Dalloz-Sirey 1979, jurisprudence P. 606, note A. Bénabent. «Les Moyens de Droit et le Principe de la Contradiction»; Viatte J. Gaz. Pal. 1980, doctrine. P. 21.

модель разрешения спора, а если речь идет о том, что релевантная правовая модель требует выяснения иных фактов, пусть даже усматриваемых из дела, но на которые стороны прямо не ссылаются, то применение ее является лишь правом суда. Зависит ли решение вопроса от наличия профессионального представительства? Да. Во всех обсуждениях, которые удалось проанализировать, возможность возложения бремени приведения всех средств в обоснование своих требований и возражений напрямую связывалась с деятельностью профессиональных представителей. В конечном счете новая практика Кассационного суда Франции направлена на уменьшение нагрузки на суд путем повышения ответственности сторон (точнее, их представителей) за судьбу процесса.

В заключение следует отметить, что гражданское процессуальное право Франции эволюционирует в сторону так называемого социального процесса. Первым и главным шагом в этом направлении было принятие НГПК Франции в конце 1970-х гг., в котором были закреплены идеи ограничения либеральных начал процесса. Изменение позиции судов в отношении вопроса о правовом основании иска отчасти также свидетельствует о движении в этом направлении. Однако на сегодняшний момент нельзя говорить, что процесс во Франции полностью социальный, как, например, в России. Конечно, это не так. Найденный Кассационным судом Франции баланс вовсе не обеспечивает сторонам возможность вести себя пассивно и положиться на активность суда²⁴. Даже, скорее, напротив — на стороны, а точнее на их профессиональных представителей, возложено бремя приведения всех возможных правовых оснований спора. Однако сделано это путем допущений и уступок в пользу теории фактической индивидуализации иска, что при логически последовательном завершении должно привести к той же модели, которая принята сегодня в России. Модели, в которой на суд возложена обязанность обнаружить и применить единственно верное правовое основание спора, при этом имея возможность ввести в процесс те факты, на которые стороны не ссылаются и которые даже не усматриваются прямо из материалов дела (путем определения предмета доказывания). Может ли Франция прийти к такой модели — сомневаемся (учитывая ее многовековую историю либерального, состязательного и профессионального гражданского процесса). Однако, как уже было сказано, определенные шаги в этом направлении уже сделаны.

Для доктрины российского гражданского и прежде всего арбитражного процесса приведенные выше экзерсисы французской судебной практики интересны тем, что, вполне вероятно, в будущем и нам придется искать баланс между различными моделями соотношения прав и обязанностей сторон и суда, двигаясь, однако, в противоположном направлении: от социального, с большими чертами следственности, к либеральному и подлинно состязательному процессу. В этом движении мы можем и должны принять во внимание опыт других стран.

²⁴ Это привело к появлению в научной литературе серьезной критики такого подхода. См., напр.: *Bolard G. L'autorite de la Chose Jugée et les Principes Directeurs du Process. Lublin, 2010. P. 62–68. URL: <http://www.pan-ol.lublin.pl/wydawnictwa/TPraw3/Bolard.pdf>.*

References

Bolard G. L'autorite de la Chose Jugee et les Principes Directeurs du Process. Lublin, OI PAN, 2010. P. 62–68.

Cadiet L., Jeuland E. Droit Judiciaire Prive. 5^e ed. Paris, Litec, 2006.

Cadiet L., Normand J., Amrani Mekki S. Theorie Generale du Process. Paris, Presses Universitaires de France, 2010.

Jeuland E. Rapport Introductive, in: L'autorite de la Chose Jugee. Ed. by L. Cadiet, D. Loriferne. Paris, IRJS Editions, 2012. P. 15–21.

Moussa T. La Delimitation de la Chose Jugee au Regard de la Matiere Litigieuse (Demande et Moyens, Objet et Cause), in: L'autorite de la Chose Jugee. Ed. by L. Cadiet, D. Loriferne. Paris, IRJS Editions, 2012. P. 23–36.

Information about the author

Argounov Alexey — PhD in Law, Associate Professor at the Department of Civil, Commercial and Administrative Procedural Law of the Russian State University of Justice (117418 Russia, Moscow, Novochemushkinskaya St., 69A, chamber 1405; e-mail: argunovav@gmail.com).